

Н.С. РЯБИНСКАЯ
ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Человек воспринимает мир через призму базовых категорий, которые отображают коллективные представления и общественное устройство, упорядочивают социальные отношения и таким образом воспроизводят социальные солидарности [1]. В основе этого дюркгеймовского тезиса лежит предположение о взаимной обусловленности форм знания и общества, сформулированное в античной общественной мысли. Солидаристской традиции в социологии знания противостоит критическая теория, получившая наиболее последовательное воплощение в неомарксизме: формы знания не столько способствуют воспроизводству коллективного целого, сколько используются доминирующими (либо стремящимися к доминированию) группами для навязывания другим собственных интересов и сохранения (либо завоевания) властных позиций [2]. Соответственно, анализ текстообразования в обществе направлен прежде всего на обнаружение отношений господства и подчинения, определяющих содержание идеологий как форм социальной репрессии.

В обеих доктринах общественное сознание рассматривается как реальность *suī generis*, а язык и текст – как институционализированные образования. Структура такого текста изоморфна структуре общества, в нём обнаруживаются социальные страты, ценностно-нормативные регуляторы и формы обмена. Например, разделение языка поэзии и языка прозы коренится в функциональной значимости для общества поэтических и прозаических текстов. Поэтическую форму изначально принимали ритуальные тексты, служившие сплочению общества и по этой причине подлежавшие частому повторению. В первую очередь поэтическую форму принимали тексты сакрального характера (законы) а функциональные реквизиты прозы определились лишь с развитием письменности [3].

Текстовые объекты имеют отличительные черты, маркеры социальной принадлежности. В рамках одного и того же языкового сообщества существует множество языков разных социальных групп. Различаются «правильный» литературный язык и просторечие, норма и узус. Если официальный язык, как правило, близок языку «высших» слоев общества, то на просторечии говорят «массы». К локализации языков стремятся профессиональные и локальные сообщества. Социальные границы речи играют важную роль в воспроизводстве вертикальной мобильности. Так, свободное владение языком, который востребуется в официальных ситуациях, создаёт явное преимущество детям из высокостатусных семей при приёме на работу, в университетских аудиториях. Использование профессионального языка позволяет сохранять привилегированные позиции группам высокооплачиваемых и обладающих престижем профессионалов, ограничивая доступ в эти группы «непосвящённых» [4]. Можно предположить, что языковая (дискур-

Рябинская Наталья Сергеевна — стажер-исследователь Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120-82-57. Факс: (095) 719-09-40. Электронная почта:

сивная) компетентность приобретает первостепенное значение в легитимации социальных статусов в обществах модерна.

В современном обществе, где письменность доминирует над устным словом, тексты становятся неотличимыми от реальности. В работах Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко развернут тезис о тексте как субъекте социального воздействия, агенте преобразующих и структурирующих социальных практик. Р. Барт вводит понятие «письма», под которым понимается «опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определённых категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признаёт в качестве значимых» [5, с. 15]¹. Несколько иной смысл вкладывается в понятие письма М. Серто, который подразумевает под ним целенаправленную, последовательную и регулируемую практику по производству орудий освоения и систематизации окружающего пространства. Возникновение данной практики Серто связывает с переходом к Модерну, когда, начиная с эпохи Реформации, на фоне разложения общества и упадка церкви возник миф о реформировании их обоих по образцу текста, той модели, в качестве которой должно было выступить Священное Писание. Логическим продолжением такого мифа, считает Серто, стала ренессансная вера в то, что «Разум должен найти в себе силы создать или воссоздать мир, ... сотворить новый порядок, записывая его на теле непровещённого или развращённого общества» [6, с. 39]. Процесс рационального упорядочивания мира, по Серто, может быть представлен с помощью тройственной системы текст-орудие-тело. Мысленный порядок – задуманный текст – создаётся и воссоздаётся посредством орудий, наносящих текст на «теле» неизвестной реальности. В качестве мысленного порядка, унифицирующего образец выступает в первую очередь закон, моральные правила, стандарты поведения, «нормативы» внешнего облика человека. Орудия, наносящие текст на «неподатливую» материю, — это корпус книг, которые, от гражданского кодекса до любовных романов, «подгоняют» поведение и мысли людей под установленные образцы; это ортопедические и хирургические инструменты, усекающие, удлиняющие и преобразующие тела в соответствии с представлениями о норме; это, наконец, многочисленные товары, предлагаемые на общественных рынках: очки, одежда, сигареты, обувь, которые «переписывают» на свой лад наш физический портрет, и даже автомобили, что, подобно корсетам, «лепят» тела и подчиняют их заданному образцу осанки [6]. Серто подчёркивает, что признаком современной эпохи является изменение отношения к языку. Если до наступления современной эпохи поучающим текстом был текст Писания, Сакральный голос, ждущий от читателя (а на самом деле слушателя) «воли к слушанию», внимания к содержанию высказывания, поскольку в нём зашифрованы «тайны» мира, то в эпоху Модерна, с исчезновением Верховного говорящего, центр тяжести переместился на высказывание как таковое, на то, кто теперь говорит? и кому? Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, в обществе, ос-

¹ Данное определение, характерное для «структуралистского» периода творчества Барта, претерпело некоторые изменения в последующий «постструктуралистский» период.

нованном на письменности, становится актуальной проблема, не знакомая обществу устной традиции, а именно проблема легитимации, ответа на вопрос, по какому праву рассказчик, оторванный как от слушателя, так и от диегесиса, рассказывает то, что он рассказывает [7]. При подобной изоляции субъекта язык объективируется. Тот, кто господствует над языком, получает в свои руки и власть над обществом, право задавать код общественно-экономического развития и соответственно его нормам расставлять по местам, контролировать, сортировать тех, кто не наделён подобной властью над языками.

Как только текст начинает рассматриваться в качестве социального объекта, взаимодействующего со своей аудиторией, для его социологического анализа оказывается недостаточным изучение высказывания или сообщения самого по себе, без учёта взаимных ориентаций участников коммуникативного процесса и социального контекста, или коммуникативной ситуации. Примерно такие задачи ставил перед собой классический контент-анализ, который Б. Берельсон определял как «объективное, систематическое и количественное описание явного содержания коммуникации» [8, р. 15]. Данный метод, столь часто критиковавшийся за базовое допущение о существовании однозначного объективного смысла сообщения, который относительно просто может быть восстановлен из него самого, обладал существенными достоинствами. К ним относятся его объективный и верифицируемый характер, применимость критериев выборочного исследования, надёжности и валидности получаемых результатов.

Исследования, выполненные в русле символического интеракционизма, показали, что восприятию индивидом смысла того или иного сообщения предшествует распознавание социального контекста, в рамках которого осуществляется коммуникация. Вне социального контекста (пресуппозиций) отдельные высказывания или даже целые тексты могут иметь неопределённое значение либо восприниматься как бессмыслица. Для распознавания коммуникативной ситуации как относящейся к определённому типу используются многообразные «ключи» — знаки, которые более или менее тесно ассоциируются в данном сообществе с ситуациями данного типа. В качестве таких знаков могут выступать лексика, прецедентные тексты (например, ритуальные цитирования в научных текстах), экстралингвистические средства, кинесика, проксемика [9]. Данные выводы оказались созвучными теории речевых актов, в основу которой положен тезис, что основное назначение многих произносимых нами фраз — не описание положения вещей и не констатация фактов (констативы), а оказание воздействия на социальную реальность — убеждение кого-то в чём-то, назначение встреч, просьбы, советы, предупреждения и т.д.² Как указывает Дж. Остин, существует множество действий, для которых употребление слов является главным событием их осуществления. Например, поблагодарить — значит произнести слова благодарности [10]. Высказывания данного рода, получившие в теории Остина

² Как на интерпретативное направление в социологии, так и на теорию речевых актов значительное влияние оказал взгляд Л. Витгенштейна на значение слова, определяющееся в соответствии с социально обусловленными правилами языковой игры [16].

название речевых актов, с полным основанием могут рассматриваться как социальные действия, включающие такие компоненты, как цель, результат и используемые (языковые) средства. Речевые действия оказываются эффективными в той мере, в какой они соответствуют конвенциям данного общества, связывающим произнесение высказывания в социальной ситуации с достижением результата. Например, произнесение фразы «Объявляю вас мужем и женой» не имеет силы вне церемонии бракосочетания. Таким образом, возможность достижения цели для каждого отдельного речевого акта непосредственно зависит от его социального контекста: совокупности тех правил, которые в сфере, релевантной данному действию, определяют «нормальное», ожидаемое со стороны других поведение индивидов в данной области. Данные правила во многом зависят от статусных позиций и ролей, характеризующих участников взаимодействия.

Выводы интерпретативной социологии в сочетании с положениями теории речевых актов довершают образ текста как социального объекта. Это объект, эффективность воздействий которого укоренена в нормативной структуре общества, содержит в себе признаки собственной социальной и институциональной принадлежности. К таким признакам относятся, во-первых, индексы социального статуса, характеризующие автора текста как члена сообщества, относящегося к определённому классу, этносу, полу и возрасту. Индикаторами речи высокостатусных членов общества являются богатство словаря и точность используемых обозначений, низкая степень интенсивности оценки, выражаемой с помощью речи, ровная интонация, размеренный темп речи, свобода жестикюляции в пределах поддерживаемого этикетно определённого режима общения, и т.п. [11]. Во-вторых, текстовый объект включает характеристики, свидетельствующие о его институциональной принадлежности. Их, по мнению Лиотара, можно назвать институциональными ограничениями на языковые игры: они обрывают возможные связи в коммуникативных сетях (есть вещи, о которых не принято говорить), отдают предпочтение некоторым классам высказываний, господство которых характеризует дискурс определённой институции (команда в армии, молитва в церкви, рассказ в семье, задавание вопросов в философии), определяют структуру текстов: соответствующие каноны задают различный состав и порядок следования частей для таких текстов, как проповедь, научный доклад, выпуск теленовостей [13]. Третий класс социально обусловленных признаков — это те, которыми текст обладает в силу принадлежности к конкретной ситуации общения (является ли это общение формальным или неформальным, личным или безличным, устным или письменным, присутствуют ли при нём заинтересованные свидетели, и т.д.). Перечисленные индикаторы являются носителями информации о социальном контексте коммуникативного сообщения, которая необходима индивидам для распознавания и понимания речевых актов.

Текст, являющийся источником социального воздействия, в свою очередь, сам претерпевает трансформации и модификации под влиянием структуры знаний воспринимающего индивида. Изучению влияния процессов, происходящих в человеческой памяти, на восприятие и порождение текстов посвящены исследования в сфере психологии обработки текстов, имеющей непосредственное отношение к когнитивной психологии и искусственному

интеллекту. Основным объектом этих исследований являются ментальные структуры хранения и обработки информации. Эти структуры, получившие название «схем» («фреймов», «схемата», «ментальных моделей»), представляют собой «упакованные блоки знаний, включающие информацию о том, как эти знания следует применять» [12, р. 100]. При восприятии текста в сознании индивида активизируется одна или более таких схем. Участники психологических экспериментов, которых просят воспроизвести прочитанный или прослушанный ими рассказ, часто дополняют его релевантной информацией, непосредственно, в нём не содержащейся. Эта информация, по мнению исследователей, извлекается из когнитивных схем, содержащих знания о мире, необходимые для понимания рассказанного. Если так, то интертекстуальность присуща всем формам текстообразования в обществе. По мнению Т. ван Дейка, в основе ментальных схем лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные представления носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции [13]. Информация, связанная с той или иной категорией, кодируется и заносится в память человека в соответствии типическими или нормальными ситуациями, которые используются для интерпретации этой категории. Язык, таким образом, оказывается поверхностной структурой, выражающей глубинные концептуальные конструкции, коренящиеся в опыте индивида. Когнитивные схемы в определённой мере имеют конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать то, что в данном сообществе является характерным и типичным. Это позволяет предполагать, что содержание категорий, то есть их значение для индивидов (включая общую природу их прототипов) должно меняться от культуры к культуре [12]. Изучение текстов различных социальных и культурных общностей позволяет воспроизвести те схемы, которые лежат в основе поведения и представлений людей, репрезентирующих различные системы верований.

Теории моделей представления и обработки информации в человеческом интеллекте позволяют по-новому взглянуть на акт коммуникации между индивидами. Как показал В.М. Сергеев, суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определённым образом соотносятся с «моделями мира» говорящего, но не обязательно повторяют их [14, с. 7]. Таким образом, текст может быть эффективным средством создания и трансформирования индивидуальных структур знаний, поскольку процесс восприятия и порождения речи неразрывно связан с операциями над когнитивными фреймами – их построением, пополнением новой информацией, внесением частичных или принципиальных изменений. Смысл текста, его значение для индивида являются функцией той укоренённой в социальном опыте индивида когнитивной схемы, которая привлекается для его понимания. Одновременно это значение оказывается функцией той социальной ситуации, в условиях которой он порождается и воспринимается. Однако это не означает, что текст становится недоступным для наблюдения, а анализ текста превращается в интерпретативное предприятие. Значение текста является не только субъективным, ситуативным и изменчивым. Оно структурировано прежде всего социальными контекстами. Невозможно приписать произволь-

ный смысл данному предложению. Каждое входящее в него слово является дополнительным ограничением для других, и итоговый смысл фразы есть лишь некоторая совокупность трактовок, которая значительно меньше суммы всех значений слов, входящих в неё. То же можно сказать об употреблении предложения в определённой ситуации, которое ещё больше ограничивает спектр возможных прочтений. В любом случае — будь это сам текст либо его социальный контекст — он состоит из символических элементов, и эти элементы организованы таким образом, что сообщают определённый порядок коммуникативному процессу [15].

Символические элементы, включая их организацию, являются наблюдаемыми. Даже интерпретация текста отдельным читателем или слушателем является наблюдаемой в той мере, в которой она доступна фиксации. В широкой трактовке текстом является не только печатное слово или устное высказывание, но и положения тела («язык тела»), жесты и мимика, интонация, структура текста, длительность говорения, пауза в разговоре и даже молчание, в той мере, в которой оно значимо для собеседника. Правила, по которым таким различным элементам приписываются значения, являются по своей сути социальными. При этом социологический анализ текстов ориентирован на взаимосвязь текста и социальной структуры, а также на возможность дискурсивного воздействия на структуру; отношения между культурными феноменами и социальными акторами, особенно на процессы взаимодействия с символическими мирами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Durkheim E.* The elementary forms of religious life. / Trans. and with introduction by Karen E. Fields. New York ets.: The Free Press, 1995.
2. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1956.
3. *Гаспаров М.Л.* Поэзия и проза – поэтика и риторика // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997.
4. *Bourdieu P.* Language and symbolic power / Ed. J.P. Thompson. Transl. G. Raymond and M. Adamson. Cambridge: Polity Press, 1992.
5. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: «Прогресс», 1994.
6. *Серто М.* Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. №28.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб: Алетейя, 1998.
8. *Berelson B.* Content analysis in communication research. Glencoe: Free Press, 1952.
9. *Goffman E.* Frame analysis: An essay on the organization of experience. Boston: Northeastern University Press, 1986.
10. *Остин Дж.* Слова как вещи / Остин Дж. Избранное: Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
11. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский пединститут, 1992.

12. *Sicourel A.* The role of cognitive-linguistic concepts in understanding everyday social interactions // Annual review of sociology. 1981. Vol. 7.
13. *Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989.
14. *Сергеев В.М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М.Сергеева и П.Б.Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
15. *Vocabularies of public life: empirical essays in symbolic structure / Ed. by R. Wuthnow.* London: Routledge, 1992.
16. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Л.Витгенштейн Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составление, вступительная статья, примечания М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994.